

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Историко-ретроспективный анализ основных направлений и маршрутов русской эмиграции начала XX века

¹ Широкова Н.Д.,
¹ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: целью статьи является комплексный анализ феномена русской эмиграции первой волны (1917-1920-е гг.) через призму современных исторических методов. В данной статье на основе использования ниже указанных методов отражены основные направления и маршруты русской эмиграции начала XX века. В совокупности, авторы используют проблемно-хронологический метод, метод синхронизации и идеографический анализ, позволяющие рассмотреть эмиграцию как многомерный исторический процесс. Авторы отмечают, история русской эмиграции первой волны традиционно рассматривалась через призму политических событий и институциональной истории, однако в последние десятилетия в исторической науке намечился поворот к изучению человеческого измерения миграционных процессов – того, как индивидуальные и коллективные переживания, стратегии адаптации и кризисы идентичности формировали опыт изгнания. В этом контексте особую ценность приобретает анализ эго-документов – личных свидетельств, созданных самими эмигрантами в процессе осмысления своего положения. Рассматривая в статье трансформацию идентичности в практике «промежуточного» существования и миграционного опыта, а также механизмы жизненной адаптации людей в новых условиях, авторами было фактически выделено новое направление в исторических исследованиях – «транзитная история». Это стало отдельным предметным научным открытием в ходе исследования. Данное направление, термин нами определяется следующим образом. «Транзитная история» – направление научного исторического знания, обоснованное процессами историко-временного или перманентного перемещения (транзита) людей через географические, политические и культурные границы. Данное направление включает акцентное исследование и изучение пространства историко-культурного наследия, опыта, кодов и практик адаптационной повседневности различных представителей или социальных групп в условиях миграционного процесса и явлений в моменте их транзитного маршрута.

Таким образом, данное исследование не только анализирует основные направления русской эмиграции начала XX века, но и предлагает новые подходы к рассмотрению данной темы.

Ключевые слова: эмиграция, начало XX века, эго-документы, миграционные процессы, маршруты, транзитная история

Для цитирования: Широкова Н.Д. Историко-ретроспективный анализ основных направлений и маршрутов русской эмиграции начала XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 25 – 32.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historical and retrospective analysis of the main directions and routes of Russian emigration in the early XX century

¹ Shirokova N.D.,
¹ Bunin Yelets State University

Abstract: the aim of the article is to comprehensively analyse the phenomenon of Russian emigration of the first wave (1917-1920s) through the prism of modern historical methods. This article reflects the main directions and routes of Russian emigration of the early XX century on the basis of the use of the following methods. Together, the authors use the problem-chronological method, the method of synchronisation and ideographic analysis, which allow us to consider emigration as a multidimensional historical process. The authors note that the history of the first wave of Russian emigration has traditionally been viewed through the prism of political events and institutional history, but in recent decades historical scholarship has turned towards the study of the human dimension of migration processes – how individual and collective experiences, adaptation strategies and identity crises shaped the experience of exile. In this context, the analysis of ego-documents – personal testimonies created by emigrants themselves in the process of comprehending their situation – is of particular value. By considering in the article the transformation of identity in the practice of ‘intermediate’ existence and migration experience, as well as the mechanisms of life adaptation of people in new conditions, the authors have actually identified a new direction in historical research – «transit history». This became a separate subject scientific discovery in the course of the research. This direction, the term is defined by us as follows. «Transit history» – a direction of scientific historical knowledge, justified by the processes of historical-temporal or permanent movement (transit) of people across geographical, political and cultural boundaries. This direction includes an accent study and research of the space of historical and cultural heritage, experience, codes and practices of adaptive everyday life of different representatives or social groups in the conditions of the migration process and phenomena at the moment of their transit route.

Thus, this study not only analyses the main directions of Russian emigration of the early 20th century, but also offers new approaches to the consideration of this topic.

Keywords: emigration, early 20th century, ego-documents, migration processes, routes, transit history

For citation: Shirokova N.D. *Historical and retrospective analysis of the main directions and routes of Russian emigration in the early XX century. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 25 – 32.*

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Историко-ретроспективный анализ представляет собой научный метод, позволяющий исследовать события прошлого с учетом их влияния на настоящее и возможные последствия в будущем. Этот метод основывается на принципе изучения исторических процессов в их динамике, что позволяет выявить закономерности и тенденции, определяющие развитие общества. В контексте миграционных процессов историко-ретроспективный анализ помогает понять причины и последствия перемещения больших групп людей, а также их влияние на культурное, экономическое и политическое развитие принимающих регионов.

Применение ретроспективного анализа в изучении миграционных процессов позволяет исследовать сложные взаимосвязи между причинами миграции, такими как политические и экономические кризисы, и их последствиями для мигрантов

и принимающих обществ. Миграционные процессы начала XX века, обусловленные революциями и войнами, демонстрируют, как исторические события формируют массовые перемещения, изменяя социальные и культурные структуры как отправляющих, так и принимающих стран. Профессор А.А. Серых отмечает, что историки конца XIX – начала XX века стали свидетелями и участниками социокультурных изменений, что оказало влияние на их восприятие исторических событий [13, с. 168]. Это подчеркивает значимость анализа исторического контекста для понимания миграционных процессов.

Источники для ретроспективного анализа эмиграции включают широкий спектр материалов, таких как официальные документы, статистические данные, дневники, письма и воспоминания. Эти источники позволяют восстановить картину миграционных процессов, включая маршруты, мотивацию и условия жизни эмигрантов. Особое

внимание уделяется личным свидетельствам, которые дают уникальное представление о субъективном восприятии эмиграции.

Материалы и методы исследований

Для проведения данного исследования были рассмотрены эго-документы представителей белой эмиграции, прежде всего дневники И.А. Бунина, так как писатель начала XX века подробно описывал маршрут своего следования, а также происходящие события по пути следования [1]. Также авторы работали с корпусом эго-документов В.Н. Муромцевой-Буниной [3], З.Н. Гиппиус [4], В.В. Набокова [7] и т.д. Мы также работали с архивными материалами Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, Бахметьевского архива и архивом периодической печати издания YMCA-Press в Париже.

Методы исследования включили в себя использование традиционных методик гуманитарного знания. Метод историзма позволил нам учитывать исторические обстоятельства, влияющие на поступки и поведение людей. В частности, анализируя корпус эго-документов мы учитываем характер послереволюционной эпохи. Авторы также применяли метод описания, который позволил отразить социально-экономическое и политическое развитие Российского государства в начале XX века. В научной работе авторы использовали сравнительно-исторический метод, который помог выявить тенденции, свойственные общественной жизни различных представителей белой эмиграции – от элитарных до обычных. Методологическую основу работы дополнили такие методы, как хронологический, ретроспективы и актуализации. Использование вышеуказанных методов дало возможность рассмотреть пути и маршруты русской эмиграции в начале XX века сквозь призму дневников и эго-документов.

Результаты и обсуждения

Русская эмиграция начала XX века – масштабное явление, вызванное революционными потрясениями, Гражданской войной и сменой политического режима в России. Этот процесс привел к формированию многочисленных диаспор в Европе, Азии и Америке, оказавших значительное влияние на культуру, науку и политику принимающих стран. Точные статистические данные отсутствуют, однако различные организации пытались оценить масштабы русской эмиграции. Американский Красный Крест фиксировал 1 965 000 беженцев уже к осени 1920 года, причём эта цифра не учитывала последующую массовую эвакуацию из Крыма [12, с. 38]. Российский Красный Крест называл более скромную цифру – 1,5 миллиона. В 1923 году «Русское литературное общество в Да-

маске» предприняло попытку подсчета общего числа эмигрантов, их к этому времени насчитывалось свыше 2 млн. человек. Цифры, близкие к 2 млн., неоднократно фигурировали в 20-е гг. в различных документах Лиги Наций и на страницах эмигрантских газет.

Используя метод синхронизации, который предполагает изучение одновременных событий, процессов или явлений, которые происходили в разных регионах или обществах в один и тот же временной период, авторами делается попытка воссоздания сетки маршрутов эмиграции.

Первоначальный поток русских беженцев хлынул преимущественно в соседние с Россией государства. Эти приграничные страны, образовавшиеся в основном на окраинах бывшей Российской империи, в то время получили собирательное название «лимитрофы» (от латинского «limitrophus» – пограничный). К ним относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния.

Ярким примером этой первой волны эмиграции стало отступление в январе 1920 года Северо-Западной армии генерала Юденича на территорию Эстонии. Это воинское формирование, насчитывавшее около 15 тысяч бойцов, вместе с гражданскими беженцами перешло эстонскую границу после неудачного наступления на Петроград. Эстонские власти, только что получившие независимость, оказались перед сложным выбором – принять русских беженцев или отказать им в убежище. Ситуация осложнялась тем, что многие из этих государств сами находились в процессе восстановления после Первой Мировой войны и испытывали серьезные экономические трудности. Тем не менее, они стали первым пристанищем для десятков тысяч русских беженцев, которые впоследствии либо осели в этих странах, либо двинулись дальше в Западную Европу. Особенностью «лимитрофов» как центров русской эмиграции было их пограничное положение между Советской Россией и Западной Европой, что делало их одновременно и перевалочным пунктом, и местом временного пребывания для многих беженцев.

Вторым возможным маршрутом, для русских беженцев стало Южное направление. Они получили особенно теплый прием в Королевстве СХС – сербов, хорватов и словенцев (официальное название Югославии до 1929 года). Это гостеприимство во многом объяснялось личной позицией короля Александра I Карагеоргиевича. Монарх, являвшийся выпускником престижного Петербургского Пажеского корпуса, в совершенстве владел русским языком и испытывал глубокую благодарность к России. Как отмечают исследователи Фе-

дюк В.П. и Урядова А.В. в работе «История русской эмиграции. 1917-1939 гг.», король Александр считал своим долгом помочь русским беженцам. С его личного одобрения в стране были созданы благоприятные условия для эмигрантов из России. Монарх не только предоставил политическое убежище, но и санкционировал выделение средств на поддержку русской диаспоры [14, с. 26].

Это особое отношение объяснялось несколькими факторами: во-первых, историческими связями между Сербией и Россией; во-вторых, личными воспоминаниями короля о годах учебы в Петербурге; и в-третьих, политическим расчетом – многие русские эмигранты обладали высокой квалификацией и могли способствовать развитию молодого балканского государства. Благодаря такой позиции руководства страны Югославия стала одним из важнейших центров русской эмиграции первой волны, где беженцы из России смогли найти не только кров, но и возможности для профессиональной реализации. Для более наглядного понимания передвижения русско-эмиграции в северо-западном и юго-западном направлении, авто-

ры воссоздали самостоятельно на карте маршруты (рис. 1).

Третьим направлением, в период Гражданской войны (1918-1922 гг.) стал Дальний Восток. Наблюдалась значительная миграционная активность русского населения Маньчжурии, вызванная военными мобилизациями. После окончательного поражения белых армий поток эмигрантов в Северный Китай существенно увеличился. К 1923 году русская диаспора в этом регионе достигла численности около 400 тысяч человек. Примечательно, что примерно четверть из них (100 тысяч) оформили советские паспорта, часть которых впоследствии вернулась в РСФСР, воспользовавшись объявленной амнистией для рядовых участников белого движения. В течение 1920-х годов наметилась тенденция к вторичной миграции русских из Китая в другие страны. Особенно активно этот процесс затронул молодёжь, стремившуюся получить образование в университетах США, стран Южной Америки, Европы и Австралии. Схематичное маршрутное направление на Дальний Восток авторы составили самостоятельно (рис. 2).

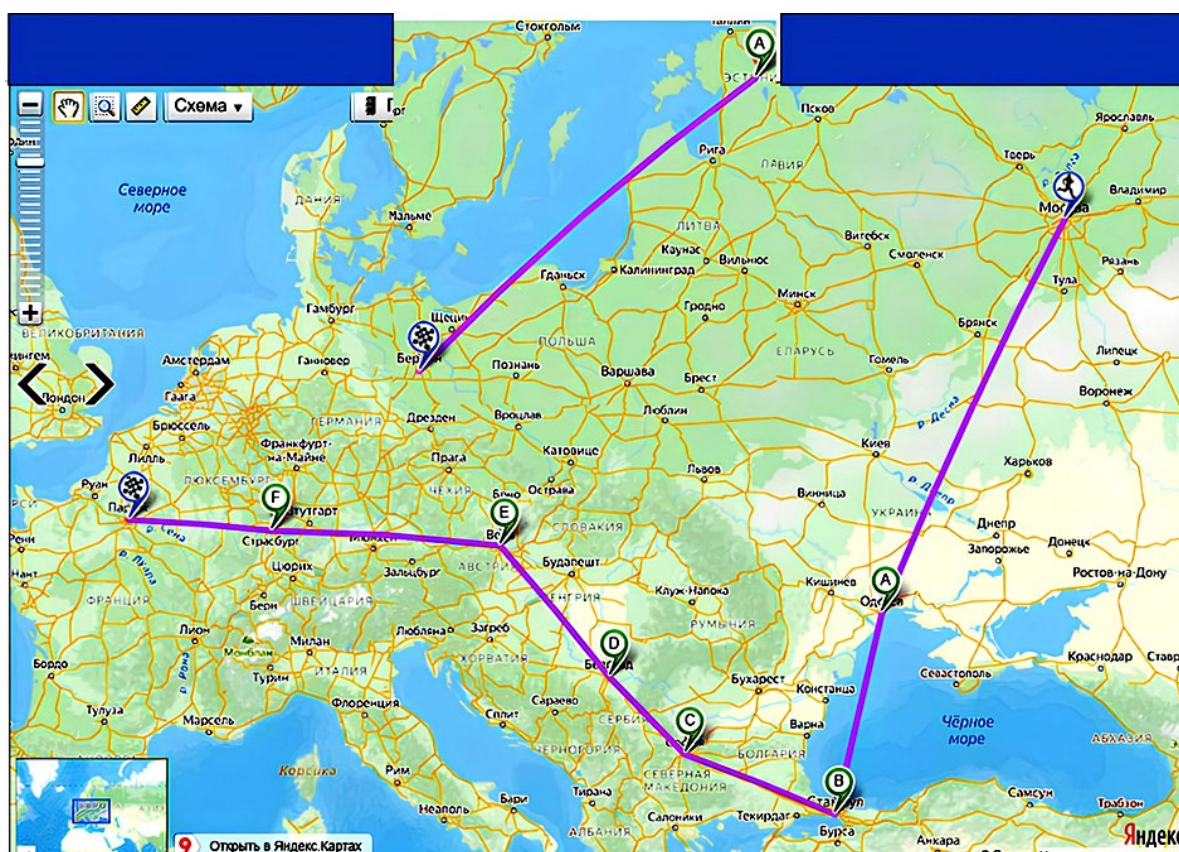

Рис. 1. Северо-западный и юго-западный маршруты русской эмиграции 1918-1920 гг.
Fig. 1. North-western and south-western routes of Russian emigration 1918-1920.

Правовое положение русских эмигрантов значительно осложнилось после принятия 15 декабря 1921 года декрета РСФСР, лишившего гражданства целые категории бывших подданных Российской империи. Под действие этого документа попали лица, находившиеся за границей непрерывно более пяти лет и не оформившие вовремя документы в советских представительствах. В результате тысячи эмигрантов оказались в статусе апатридов (лиц без гражданства). Тем не менее, до момента международного признания СССР бывшие российские дипломатические учреждения продолжали защищать права русских беженцев. Для

решения проблем эмигрантов на международном уровне Лига Наций учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев, которую занял известный норвежский исследователь Фритьоф Нансен. В 1922 году под его руководством была разработана система специальных удостоверений личности – так называемых «нансеновских паспортов», ставших для многих русских эмигрантов единственным документом, удостоверяющим их личность. Эти паспорта сохраняли свою юридическую силу вплоть до конца XX века, и некоторые потомки эмигрантов продолжали пользоваться ими даже в 1990-е годы.

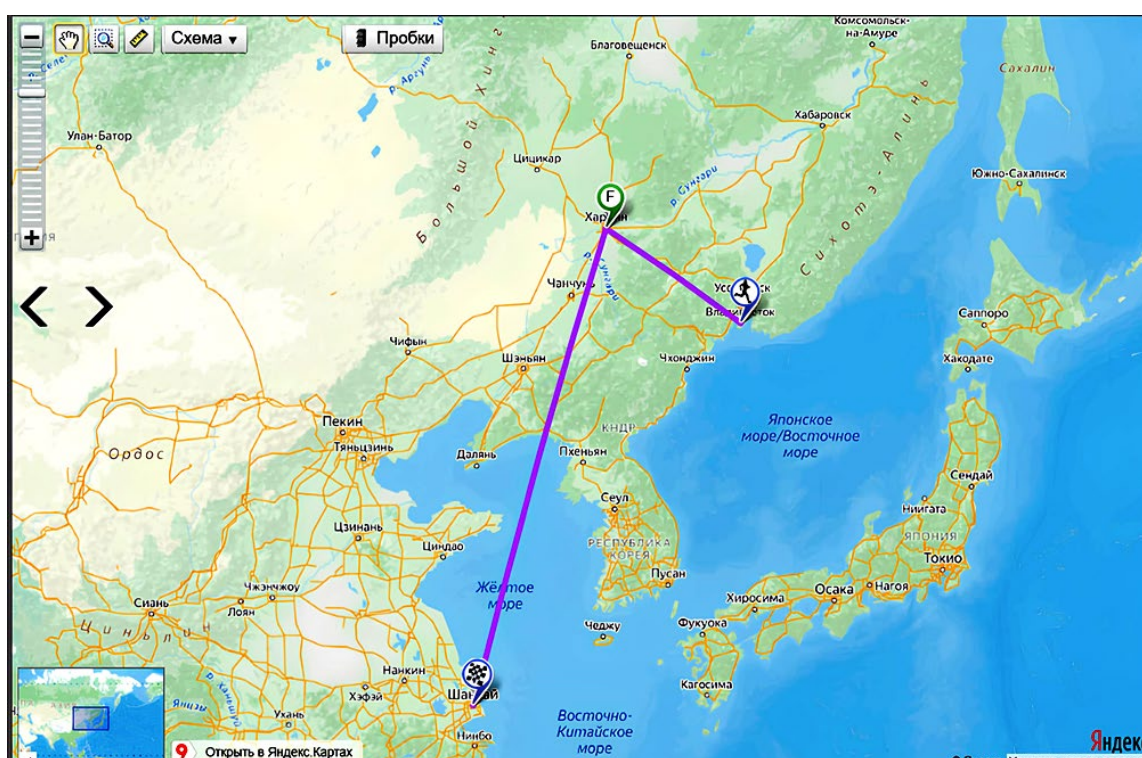

Рис. 2. Вариант Дальневосточного маршрута русской эмиграции 1918-1920 гг.

Fig. 2. Variant of the Far Eastern route of Russian emigration in 1918-1920.

Используя проблемно-хронологический метод исследования, который предполагает разбиение исторического материала на несколько узких проблем, изучаемые в хронологической последовательности, выделим три ключевых мотива, по которым случилась эмиграция из России в начале XX века: личный (1918-1919 гг.), политический (1920 г.), идеологический (1922 г.).

Личные мотивы, находили свои истоки в политическом провале Белого движения. Он проявился как в военном поражении, так и в моральной дискредитации. Многие, надеявшиеся на восстановление прежнего порядка, были в глубоком смятении, что им делать дальше. Ведь, белое движение

возникло как реакция на Октябрьскую революцию 1917 года и приход к власти большевиков. Его основу составили офицеры царской армии, такие генералы как Корнилов, Алексеев, Деникин. Кадеты и монархисты, выступавшие за Учредительное собрание, казацкие войска на Дону и в Кубане, социалисты-революционеры (эсеры), боровшиеся против диктатуры большевиков. Белое движение не было единым – оно действовало на нескольких направлениях, что и послужило, как считает историк С.П. Мельгунов помощью врагам России: *«Парадокс истории в том, что ведя борьбу с большевиками под лозунгом единой неделимой России и не давая тем самым им расправиться с*

националистическими движениями на окраинах страны, белые фактически помогли союзникам в их планах расчленения России» [6, с. 55].

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945) поэтесса конца XIX – начала XX вв., не принявшая исход 1917 года, и покинувшая страну в конце 1919 года, оставила потрясающие воспоминания, мысли и комментарии в серии своих дневников. Подход написания дневников поражает исследователей, так как к каждому периоду Зинаида Николаевна относилась с особым трепетом, и даже с преддверием того, что происходят великие события. Она давала им следующие названия: «Белая книга» (1915 г.), «Синяя книга» (1917 г.), «Серый блокнот» (1918 г.), «Чёрная книга» (1919 г.). В последнем, поэтесса так пишет о новой власти: «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно» [4, с. 20]. Анализируя её эго-документ можно проследить тоску по Родине, смятение и ненависть в отношении действий большевиков. Утрата доверия к своим соотечественникам.

Запись от июня 1919 г. *«Вчера (28-го июня) дежурила у ворот. Ведь у нас со времени весенней большевистской паники установлено бессменное дежурство на тротуаре, день и ночь. Дежурят все, без изъятия, жильцы дома по очереди, по три часа каждый. Для чего это нужно сидеть на пустынной, всегда светлой улице – не знает никто. Но сидят.»* [4, с. 24]. Исходя из неё, авторы делаю вывод, что в середине 1919 года поэтесса пытается принять вновь установившийся режим. А вот запись через месяц, 16 июля: *«Яркий день. Годовщина (пять лет!) войны. С тех пор почти не живу. О, как я ненавидела ее всегда, этот европейский позор, эту бессмысленную петлю, которую человечество накинуло на себя! Я уже не говорю о России»* [4, с. 31]. В данный период чувствуется усталость от тяготы, что навевала эпоха. К осени ситуация ухудшается, становится невозможным жить, так как электричество дают на 4 часа в день, цены на продукты дорожают в геометрической прогрессии, а *«Товарищ Ленин живёт в Кремле в двух просторных светлых комнатах»* [4, с. 46]. Также описывается внутривластная ситуация в Кронштадте, Киеве и других городах. На корке «Чёрной книги» написано: *«В потайном кармане меховой шубки, которую я последнее время не спускала с плеч, лежал серенький блокнот, что станет продолжением... отметки на этом блокноте – спутаны... и доходят вплоть до дня отъезда-бегства, – 24 декабря 1919 года»*. Зинаида Николаевна сядет 24 декабря 1919 года в «поезд белой

эмиграции» и больше никогда не вернётся в Советскую Россию. Маршрут её следования был следующим: Петроград → Гомель → Варшава → Париж.

В романе Владимира Владимировича Набокова «Другие берега» (1954 г.) дореволюционная Россия предстаёт в виде детских воспоминаний. Роман является автобиографическим повествованием, в котором Россия предстает одновременно как утраченный рай детства и травматическое пространство исторического изгнания. Набоков создает сложный, ностальгический, а иногда ироничный образ родины, который пронизывает всю его прозу. *«Я помню, как в нашем петербургском доме, в библиотеке, стоял глобус, и я проводил пальцем по России, не зная, что скоро её потеряю»* [7, с. 124]. После революции и Гражданской войны Набоков (как и его семья) теряет родину, и этот разрыв становится ключевой темой романа. *«Эмигранты тосковали по России, которую сами же и потеряли. Я тосковал по той, которую помнил только я»* [7, с. 131]. В отличие от многих эмигрантов, тосковавших по «исторической России», Набоков создает индивидуальную версию родины – вне политики, но в вечности искусства.

Семья Набоковых была враждебна большевизму, так как отец, Владимир Дмитриевич Набоков был кадетом, министром юстиции Временного правительства в 1917 г., активный противник советской власти. После Октябрьской революции начались аресты и расстрелы бывших царских чиновников и интеллигенции. Набоковы поддерживали Белую армию, в 1917-1919 гг. семья жила в Крыму, который был одним из последних оплотов белых. Брат Набокова, Сергей, воевал в Добровольческой армии. В 1918-1919 гг. Крым переживал красный террор, массовые расстрелы «буржуазных элементов». Национализация имущества, из-за которой семья потеряла имение Выра под Петербургом и дом в столице.

В апреле 1919 года – Набоковы покинули Севастополь на английском корабле «Надежда», являвшимся один из последних рейсов перед падением Крыма. Маршрут их следования был следующим: Севастополь → Стамбул → Афины → Лондон. Ключевая деталь – отъезд произошел за 8 месяцев до окончательного разгрома Белой армии в Крыму, случившийся в ноябре 1920 года, что спасло семью от гибели или ареста.

Политический мотив эмиграции из России, прослеживается в судьбе Ивана Алексеевича Бунина и его жены Веры Ивановны Буниной-Муромцевой. И.А. Бунин открыто называл революцию 1917 года «окаянными днями», считая её национальной катастрофой. В его дневнике, кото-

рый получил соответствующие эпохе название «Окаянные дни», описываются события 1918-1920 годов. Иван Алексеевич отказался сотрудничать с новой властью, несмотря на предложения. В октябре 1917 года И.А. пишет: «*Радость жизни убита войной, революцией*» [1, с. 394]. В мае 1918 года они покинули Москву и сперва отправились в Одессу, где прожили следующие 2 года.

Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов – утверждённый ЦИК 11 ноября 1917 года находит своё подтверждение в быту четы Буниных. В записи от 14 июля 1918 года, в их совместном эго-документе «Устами Буниных» говорится, что «*Иметь прислугу стало невыносимо трудным, так как она совсем распоясалась. У кухарки, что помогала по дому прям на кухне жил любовник большевик, матрос*» [3, с. 182]. Серьёзные меры принять было нельзя, так как это могло обернуться серьёзными последствиями в «социалистических углах» страны, которые Одесса тоже имела. В конце июля, до изгнанников доходит письмо младшего брата Ивана Алексеевича – Юлия. В нём он повествует о том, что многие уехали, дороговизна продуктов питания становится невыносимой. Как пишет И.А. Бунин в «Окаянных днях»: «*А письмо из Москвы к В. от 10 августа пришло только сегодня. Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом 17 года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился «министр почт и телеграфов. Тогда же появился впервые и «министр труда» – и тогда же вся Россия бросила работать*» [2, с. 38]. Маршрут их следования был следующим: Москва → Одесса → Константинополь → Париж.

Выводы

Настоящее исследование демонстрирует, что русская эмиграция в начале XX века стала результатом глубокого политического, социального и

экономических кризисов, вызванных революцией 1917 года и последующей Гражданской войной. Русское зарубежье внесло значительный вклад в мировую культуру, литературу, искусство и науку. Изучение этого вклада помогает лучше понять взаимосвязи между различными культурами и влияние русской культуры на мировую цивилизацию. Поддержание памяти о событиях, связанных с русской эмиграцией, способствует сохранению исторической правды и пониманию причин и последствий миграционных процессов того времени. Также для многих потомков русских эмигрантов, живущих за рубежом, изучение истории и культуры Русского зарубежья является способом поиска и укрепления своей идентичности. Исследования в этой области способствуют развитию исторической науки, культурологии, литературоведения и других дисциплин, расширяя границы понимания социокультурных процессов. Эго-документы, в свою очередь, не только раскрывают личные переживания, но и отражают общественные настроения того времени. Многие эмигранты активно участвовали в философских и религиозных дискуссиях, что привело к формированию значительных философских течений и религиозных движений. Процессы ассимиляции, адаптации и взаимного обогащения культур в условиях эмиграции представляют большой интерес для изучения механизмов культурного взаимодействия. Работа с архивными материалами, письмами, дневниками и другими личными документами эмигрантов открывает новые данные для исследований и позволяет более полно реконструировать исторические события. Изучение и развитие темы наследия Русского зарубежья способствует не только академическому развитию, но и культурному обмену, укреплению международных связей и пониманию глобальных исторических процессов.

Список источников

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Подгот. текста, статья-послесл. и коммент. О. Михайлова. Москва: Худож. лит., 1988. 719 с.
2. Бунин И.А. Окаянные дни. Москва: Директ-Медиа, 2008. 152 с.
3. Бунин И.А. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 3 т. / под ред. Милицы Грин. Москва: Посев, 1977. Т. 1. 367 с.
4. Гиппиус З. Петербургские дневники (1914-1919). Орфей, 1982. 285 с. URL: <https://archive.org/details/1914-1919-1982/page/45/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 29.01.2025)
5. Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. 264 с. URL: <https://archive.org/details/B-001-026-995-ALL> (дата обращения: 02.03.2025)
6. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова: Критико-библиографический очерк. Париж, 1929. 355 с.
7. Набоков В.В. Другие берега. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2014. 283 с. URL: <https://archive.org/details/drugieberega0000nabo/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 23.02.2025)

8. Письма В.Н. Буниной (Муромцевой) к М.А. Алданову, 1920-1922 гг. // Бахметьевский архив Columbia University, Нью-Йорк. Ф. «Алданов».
9. Письма И.А. Бунина к З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковскому, 1919-1922 гг. // Бахметьевский архив Columbia University, Нью-Йорк. Ф. «Мережковские».
10. Письма И.А. Бунина к Н.А. Бердяеву, 1921-1922 гг. // Архив YMCA-Press, Париж. Ф. YMCA-Press. Кор. 12. Д. 87.
11. Письма И.А. Бунина к П.Б. Струве, 1920-1922 гг. // Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Москва. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 18.
12. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. Москва, 1994. 296 с.
13. Серых А.А. Прошлое и настоящее в революционной повседневности М.М. Богословского (по материалам дневника историка) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (32). С. 167 – 168.
14. Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917-1939 гг.: учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Яро-славль: ЯрГУ, 2006. 100 с.

References

1. Bunin I.A. Collected works: in 6 volumes. Т. 6: Liberation of Tolstoy; About Chekhov; Memories; Diaries; Articles. Editorial Board: Yu. Bondarev, O. Mikhailov, V. Rynkevich; Prepare text, article-after. and comment. O. Mikhailova. Moscow: Khudozh. lit., 1988. 719 p.
2. Bunin I.A. Damned days. Moscow: Direct-Media, 2008. 152 p.
3. Bunin I.A. Through the mouths of the Bunins: diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other architects. materials: in 3 volumes. ed. Militsa Green. Moscow: Posev, 1977. Vol. 1. 367 p.
4. Gippius Z. Petersburg diaries (1914-1919). Orfey, 1982. 285 p. URL: <https://archive.org/details/1914-1919-1982/page/45/mode/2up?view=theater> (date of access: 29.01.2025)
5. Lampe A.A. Paths of the Faithful. Collection of articles. Paris, 1960. 264 p. URL: <https://archive.org/details/B-001-026-995-ALL> (date of access: 02.03.2025)
6. Melgunov S.P. The Civil War in the Light of P.N. Milyukov: Critical and Bibliographic Essay. Paris, 1929. 355 p.
7. Nabokov V.V. Other Shores. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2014. 283 p. URL: <https://archive.org/details/drugiebereg0000nabo/page/n5/mode/2up> (accessed: 23.02.2025)
8. Letters of V.N. Bunina (Muromtseva) to M.A. Aldanov, 1920-1922. Bakhmetevsky Archives of Columbia University, New York. F. "Aldanov".
9. Letters of I.A. Bunin to Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky, 1919-1922. Bakhmetevsky Archives of Columbia University, New York. F. "Merezhkovskys".
10. Letters of I.A. Bunin to N.A. Berdyaev, 1921-1922. YMCA-Press Archive, Paris. F. YMCA-Press. Cor. 12. D. 87.
11. Letters of I.A. Bunin to P.B. Struve, 1920-1922. A. Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow. F. 42. Op. 2. Unit 18.
12. Raev M. Russia Abroad: History of the Culture of Russian Emigration. 1919-1939. Moscow, 1994. 296 p.
13. Serykh A.A. Past and Present in the Revolutionary Everyday Life of M.M. Bogoslovsky (based on the historian's diary). Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2019. No. 4 (32). P. 167 – 168.
14. Fedjuk V.P., Uryadova A.V. History of Russian Emigration. 1917-1939: textbook. Yaroslavl State University. Yaroslavl: YarSU, 2006. 100 p.

Информация об авторе

Широкова Н.Д., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров 28, s_hirokova@mail.ru

© Широкова Н.Д., 2025